

ховью р. Самары, в район вполне вероятной досягаемости русских полков (у Лонгинова — он был удален от Сальницы более чем на 130 км). Соответственно с этим Б. А. Рыбаков отказался от предположений Лонгинова о рр. Каяле и Сюурлий и предложил свою гипотезу. По его мнению, Сюурлием следует считать приток Самары Гнилушу, а что касается Каялы, то Рыбаков, подобно некоторым ученым, считает ее рекой символической, вымышленной, не существующей.

Б. А. Рыбаков категорически отбрасывает все варианты, привязывающие события Игорева похода к бассейну Северского Донца и Дона, — по его мнению, битва произошла, в бассейне Днестра. В защиту своей концепции ученый выдвигает новый и неожиданный аргумент: обращение Ярославны в своем плаче к Днепру. «Вызывает удивление, — пишет Б. А. Рыбаков, — что до сих пор при всех попытках определения театра военных действий никто из исследователей не привнес во внимание явного и непреложного свидетельства „Слова о полку Игореве“ о „макрогеографии“ похода Игоря. Таким свидетельством является плач Ярославны. . . Находясь на берегу Сейма, притока Десны, впадающей в Днепр, Ярославна могла обращаться к Днепру с такой просьбой только в том случае, если река Каяла находилась в бассейне Днестра».⁷

Выдвинутый ученый аргумент представляется нам неубедительным по двум причинам. Во-первых, в том же плаче Ярославны упоминается не только Днепр, но и Дунай: «Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви, омочю бербрянь рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣм его тѣлѣ».⁸ Во-вторых, такое специфическое прочтение только одного, вырванного из контекста, географического названия не учитывает характера художественного мышления автора и структуру образов плача. Ведь Ярославна обращается последовательно к ветру, к Днепру, к солнцу с просьбой помочь князю и его воинам, а это неопровержимо подтверждает риторический характер обращения.

Подавляющее большинство ученых, изучавших историю похода 1185 г., привязывает события к бассейну Дона и Северского Донца. В советское время такая точка зрения получила убедительное обоснование в трудах К. В. Кудряшова, много лет посвятившего исследованию этого вопроса. Несмотря на то что ученый несколько раз менял свои взгляды при определении места битвы русских дружин с половцами, избранный им район поисков между Изюмом и Славянском представляется нам единственно правильным.

Летописи и «Слово о полку Игореве» совершенно точно указывают, в бассейне какой реки происходили события. В Ипатьевской летописи читаем: «Идушим же им к Донцю реки»; «И то рек, перебрете Донець, и тако приида ко Осколу»; «Хотяхуть бо бьющесе дойти реки Донця». В Лаврентьевской летописи упоминается Дон: «А ноне поидем по них за Дон».⁹

Очень характерно, что ни в одной из летописей при описании событий похода 1185 г. р. Днепр не упоминается.

Не менее определенные сведения на сей счет дает и «Слово»: «. . . а всядемъ, братие, на свои бръзья комони, да позримъ синего Дону»; «Игорь к Дону вои ведеть»; «Гзакъ бежитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому»; «Итти дождю стрѣлами съ Дону великаго»; «. . . на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго», и т. д., и т. п.

⁷ Там же, с. 222.

⁸ Здесь и далее текст «Слова» цитируется по кн.: Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»).

⁹ Здесь и далее текст Ипатьевской летописи приводится по: ПСРЛ, т. II. М., 1962; текст Лаврентьевской летописи — по: ПСРЛ, т. I. М., 1962.